

DOI 10.5862/JHSS.220.13
УДК 124.1

С.Г. Иванов

ИДЕЙНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ КОРНИ ПОСТМОДЕРНА

В статье затрагивается предыстория понятия «постмодерн». Рассмотрены различные интерпретации его расхождений с идеологией Нового времени. Анализ некоторых социокультурных фактов и обстоятельств, так или иначе повлиявших на формирование постмодернистской парадигмы, позволил автору сделать вывод, что, несмотря на все видимые различия, их общим содержанием всегда выступало сугубо номиналистическое понимание бытия. Оно не только создало западную цивилизацию во всем блеске ее индустриальной и научной мощи, но в конечном итоге закономерно подвело к состоянию внутреннего опустошения и нравственного упадка.

МОДЕРН; НОМИНАЛИЗМ; ПОСТМОДЕРН; РАЦИОНАЛИЗМ; ХАОС; ЭНТРОПИЯ.

Немецкая классическая философия была последним рубежом, который отделял нигилистически настроенную европейскую мысль от обращения к иррационализму. Этот рубеж пал после осознания, что гегелевское понятие *не есть всё*. Для телеологии больше не оставалось места в рассуждении. Под сомнением оказалась и сама способность разума к научно обоснованному пониманию природных и социальных процессов.

На первый взгляд возникшая ситуация представляется понятной: достигнув своей максимально возможной амплитуды в учении Гегеля об абсолютной идее, условный маятник неизбежно должен был начать обратное движение; поскольку рационализм исчерпал себя, ему предстояло отступить перед течениями, дававшими возможность по-новому взглянуть на старые проблемы. Однако такое понимание не следует считать правильным. В конце концов, тот же позитивизм благополучно перешагнул из XIX в XX век, во всех своих вариациях развиваясь в русле именно рационалистической традиции. Значит, дело совсем не в «исчерпанности» рационализма. Дело в тех тенденциях движения мысли, которые, проистекая из самого же рационалистического воззрения, естественным образом вели к его отрицанию, идейно завершившись в наши дни так называемым постмодернизмом.

Немного об истории появления этого термина. Впервые он был употреблен в книге Р. Панвица «Кризис европейской культуры» (1917). Позднее, в 1934 году, понятие *postmodernismo* всплывает уже в Латинской Америке, являвшейся в то время периферией культурной и политической жизни. Ф. де Онис использовал его для обозначения консервативного направления в рамках литературного модернизма, которое, как он полагал, было обречено быть вытесненным авангардистскими поэтическими опытами, радикально отторгавшими существовавшую литературную традицию, т. е. так называемым *ultramodernismo*. Современный смысл термин «постмодернизм» приобрел у А. Тойнби, определявшего им эпоху, начавшуюся с Первой мировой войной и во всех смыслах отличную от предшествовавшей эпохи Нового времени или модерна (*англ.* — *modern times*). Однако по-настоящему постмодернизм зазвучал в культурном лексиконе примерно с 1960–1970-х годов. Оттолкнувшись от вопроса, какую архитектуру можно противопоставить модернизму, с его упрощенной универсальностью «интернационального стиля» и «экспрессией бетонного блока», постмодернизм постепенно расширил сферу своего применения на экономико-технологическую и социально-историческую сферы. В философии о постмодернизме как особом состоянии духа и

направлении мысли всерьез заговорили после работы Ж.-Ф. Лиотара «Постмодернистское состояние: доклад о знании» (1979).

Даже столь беглый обзор позволяет сделать вывод, что в XX веке в самых разных областях человеческой деятельности произошло восприятие некоего качественного сдвига; был зафиксирован переход истории во что-то новое и принципиально отличное от предшествующего. Как писал П. Козловски, «границу можно различать, когда она уже пройдена» [3, с. 21]. Приближавшееся окончание не только века, но и тысячелетия заставляло задумываться о смене эпох: продолжается ли модерн, есть ли перспективы у питавшего его комплекса идей или их «рубежи» остались позади, потенциал иссяк, и модерн должен уступить место тому, что будет *после него* — эпохе *постмодерна*. О наступлении последней, казалось, и свидетельствовал постмодернизм — *новое мироощущение*, вся совокупность осознаваемых и пока неосознаваемых даже его выразителями интеллектуальных и духовных импульсов начинающейся постмодерновой эпохи.

В вопросе о том, чем будет постмодерн относительно модерна — его отрицанием (в этом случае приставка «пост-» приобретала бы значение «анти-») или все-таки развитием сложившихся тенденций, — единства не было. К примеру, Лиотар исходил из того, что постмодерн «конечно же, входит в модерн», является его «редакцией» и продолжением, но вместе с тем имеет вполне самостоятельное значение. Об этом, по мнению Лиотара, с самого начала говорило то обстоятельство, что в отличие от идеологии Нового времени, всегда стремившейся к нахождению однородности и единства, постмодернизм исходит из принципиальной невозможности осуществления такой цели, утверждает неизбежную множественность и своеобразие всего существующего, его несводимость к общему знаменателю.

Действительно, из ставки на единичность рождается иррационализм, никоим образом не отвечающий идейной направленности модерна. Но Новое время осознавало себя как эпоху торжества Разума. Оно было рационально во всем. Причем сам спор о модерне, по Козловски, «это спор не о разуме и не о программе человечества, а о ее сужении до исторической программы модерна: до проекта *принуждающе-*

го к единству разума» [Там же. С. 40]. Именно непоколебимой уверенностью в существовании доступных интеллекту всеобщих законов природы и общества Новое время продолжило традицию, заложенную еще античностью. Благодаря этому развитие европейской цивилизации не знало скачков и «провалов», сохраняло внутреннюю взаимосвязь эпох, причем даже религиозность Средневековья не составляла здесь исключения.

На протяжении столетий иррационализм христианской веры поддерживался сугубо рационалистическими установками. Особенно заметно это проявлялось в католическом учении, прямо объявившем разум надежнейшим проводником к Богу как «высшему из понятий» и универсальной основе всего существующего. Вследствие такого понимания познание уподобилось лестнице, т. е. пришло в соответствие с общей иерархией религиозно мыслимого бытия. Сама познавательная процедура приняла классический субъект-объектный вид: «*S — O*». Эта схема сохранялась даже в начале Нового времени, когда номинализм поставил на место понятия Бога природу.

Изменения произошли лишь после того, как эмпиризм осуществил, а позитивизм фактически подтвердил превращение природы в мир феноменов. Познаваемый объект потерял былую самостоятельность, оказался низведенным до производной человеческого сознания и фактически растворился в нем. *Бытие* стало чистой абстракцией. Для сознания за действительностью не осталось ничего, кроме деятельности его собственного «Я». Проблема *сущностного* назначения человека утратила смысл и заменилась тем, что следовало признать более первичным — проблемой его конкретного *существования*. При этом, хотя и с оговорками, пришлось допустить существование еще и других «Я». Теоретико-познавательное и практически-преобразовательное отношение к миру оказалось потеснено необходимостью разрешения вопросов психической адаптации, межличностного взаимодействия, ориентации человека в социуме, этической проблематикой в целом. На смену прежним субъект-объектным отношениям пришли отношения субъект-субъектные: «*S — S*». Сам человек превратился из субъекта *действия* в субъект *коммуникации*.

Снятие проблемы объективности познания¹ ввиду неспособности понятийного мышления адекватно отражать действительность, замена онтологической проблематики аксиологической — явления симптоматичны. В историческом аспекте они свидетельствовали о воспроизведении тех же тенденций, которые имели место в эллинистическую эпоху, а в общемировоззренческом — указывали на закономерный тупик секуляризованного рационализма. Именно поэтому постмодерн и начал свое развитие с философской ревизии разума, побудительным толчком к которой послужило всё более заметное разведение понятий модерности и рациональности. Постмодерн подверг жесткой критике всю систему выпестованных рационализмом мировоззренческих ориентиров и выдвинул на их место свои. Причем для осуществления этого потребовалось формирование определенных условий. Т.П. Матяш дает на сей счет такое пояснение: «Современник и ученик Гегеля датский философ Кьеркегор выступил против притязаний разума еще при жизни своего учителя, а Ницше объявил разум „большим пауком” в то время, когда Маркс разрабатывал теорию разумного устройства общественной жизни. Постмодернистская установка на отказ от рационалистических проектов Возрождения и Просвещения возникла не „после” модерна — философии XIX века, а рядом с ним. Поэтому не совсем верно выстраивать хронологическую цепочку: модерн — постмодерн. Как отреагировало общество на эти постмодернистские заявки? Оно просто не выдало кредита доверия скептикам и хулителям разума. Еще была сильна онтологически укорененная вера в его законодательные способности, гарантирующие универсальный порядок в мире. Благосклонность людей была на стороне тех, кто не соглашался с критиками разума. Современники Кьеркегора, Ницше отнеслись к их идеям как к бреду шизофреников (не случайно эти философы стали клиентами психиатрических клиник),

¹ Познавательную объективность здесь надо понимать прежде всего как условие, обеспечивающее *внеположенность объекта по отношению к субъекту*. Когда объект исчезает или признается продуктом сознания, теряется не только всякая «объективность», но утрачивается познавательная ситуация как таковая.

оттеснив их на периферию общественного сознания. Постмодерн не стал в XIX веке нормой, общество еще не было готово жить без опоры на разум и традицию в культуре, связанную с ним» [6, с. 365].

Иначе говоря, для того чтобы постмодерн возник, требовалось не только озарение «гениальных» одиночек, но что-то еще. Поэтому оценка Лиотара, хотя и является правильной, явно недостаточна. В ней выражен результат, но нет указания на причину, которая позволила бы понять, почему, несмотря на все оговорки, модерн не мог обойтись без выражаемого рационализмом «общего», при том что постмодерн увидел в этом «общем» исключительно «объединительную паранойю» (М. Фуко). Таким образом, исходный вопрос о том, чем является постмодерн применительно к модерну, может быть разрешен только через соотнесение друг с другом сущностного содержания этих эпох.

Начав с модерна, мы увидим, что его почти полутысячелетняя эволюция привела к рождению целой серии частных «проектов»: Реформации и Контрреформации, барокко и рококо, немецкого идеализма и позитивизма (одной из практик которого стал марксизм). Уловить между ними что-то общее гораздо сложнее, чем найти различия. Вот и Ю. Хабермас попытался было уравнивать модерн (как целостную эпоху) с Просвещением, но это мало что прояснило, ибо «неоднозначное понятие модерна» ставилось в сравнение со столь же «неоднозначным понятием Просвещения». «В обоих случаях, — указывал П. Козловски, — имя эпохи используется в качестве общего понятия. Имя эпохи модерна, или Просвещения, смешивается с понятием, имеющим четкие границы и совершенно определенное содержание. Просвещение как имя эпохи соотносится с прошлым, но как эпоха Просвещение неоднозначно и многопланово. Оно содержит в себе самые различные направления идеалистического и материалистического, деистического и атеистического характера и не укладывается в схему какой-либо *одной* программы, как это допускает Хабермас» [3, с. 24–25].

Между тем стоило бы Хабермасу взять за основу своего рассуждения понятие не меньшего, а большего объема, чем модерн, т. е. понятие, являющееся идейной *формой* модерна, и всё встало бы на свои места. Что это за поня-

тие? Разумеется, номинализм в его исходной, еще схоластической редакции. Его влияние легко узнаваемо не только в Реформации, но и в Контрреформации: *Similia similibus curantur* — *подобное лечится подобным* (лат.); именно номинализм задавал тон в чувственной страстности барокко и романтической интимности рококо, определял направленность Просвещения и накладывал печать на развитие философии в XIX и XX веках. Причем, что важно, это был номинализм умеренного, концептуалистского типа. Благодаря его установкам европейская цивилизация на протяжении всего Нового времени была преисполнена уверенности в собственной исключительности, а также интеллектуальном превосходстве над всем миром. Отсюда не только пресловутый гегелевский «европоцентризм», но и то, что важнейшей аксиомой модерна стал сформулированный Р. Майером (1814–1878) первый закон термодинамики — закон сохранения и превращения энергии², отменявший всякую возможность существования вечного двигателя: сущность не вне вещи, но в ней самой. В работе Козловски «Культура постмодерна» отмечено особое значение закона сохранения энергии как для построения механистической картины мира и формирования представлений об эволюционных началах космологии и биологии, так и для утверждавших себя идей самоценности субъекта. Применительно же к нашему рассуждению этот закон вполне может рассматриваться своеобразным аналогом умеренно-номиналистических подходов.

Вообще, без учета в разном и по-разному проявляющемся принципе «сущность в вещи» трудно было бы понять, почему европейское сознание восхваляло человеческий разум и приходило в отчаяние от его максим; верило в науку, но не отказывалось от христианской атрибутики; преклонялось перед индивидуальной свободой, но воспитывало себя в духе строгой требовательности и дисциплины; создавало доктрины угнетения и эксплуатации, оправдывало гильотину и не сомневалось при этом в собственной гуманности, неизменной

²Первый закон термодинамики обычно формулируется следующим образом: теплота, поглощаемая системой из внешней среды, расходуется на увеличение внутренней энергии системы и совершение работы против внешних сил.

правоте и культуртрегерском предназначении. Постоянная тяга к экспансии, постоянное беспокойное движение «Я», реализующего себя не только в искусствах, но и в опустошительных военных предприятиях, в «открытии» и покорении новых континентов, — всего лишь частные практики умеренно-номиналистического понимания бытия.

Итак, умеренный номинализм был подлинной сущностью модерна. Что же в таком случае является идейной основой постмодерного этапа истории, его онтологией? На этот вопрос должен быть дан только один вполне конкретный ответ: *номинализм крайне-радикального типа*. Встречающиеся иногда утверждения о принципиальной внеонтологичности постмодерна даже не сто́ит принимать в расчет. Постмодерн не мог возникнуть «просто так». Он стоит на крепком, давно формировавшемся фундаменте. Постмодернизм как идейная сердцевина постмодерна — это не то, что «после» модернизма, и не возврат идеологии в домодерное состояние, но «гипер-ультра-сверх-модернизм» (В.А. Кутырев). Этим уточнением снимаются и все претензии постмодернизма представить себя принципиально новым этапом развития мысли³, радикально отбросившим устаревшие стереотипы классической метафизики и философских идеалов Нового времени. «Минувшее гегелевского понятия, постмодерное мышление тяготеет к лейбницевской теории монады и ее единственному числу», — подмечает Козловски [3, с. 32]. Для постмодернизма действительно лишь единичное и множественное, стремящееся не к организованной целостности, но к хаотичности и распаду! Только за ними он признает право на существование. Но всё это и

³В этом вопросе следует согласиться с мнением А.В. Филиппович и В.Н. Семёновой считающих, что постмодернизм оказался «не новой оригинальной „постнеклассической“ эпохой в развитии всей западной философии, а является одним из проявлений неклассической философии Нового времени, закономерным упадочным следствием новоевропейской философии XVII–XX веков, завершающим ее развитие» [7, с. 793]. Также в подтверждение своего тезиса они указывают на особое сходство в представлениях о мире, в стиле мышления и философской тематике между постмодернизмом и античными софистами, языковые практики которых зачастую носили столь же нигилистический и циничный характер.

есть номинализм... Фактическая разница между формообразующими устремлениями *модерна* и *постмодерна* та же, что и между смысловым содержанием *in res* и *post res*. Истина буквально очевидная, сразу делающая понятной причину превращения в наши дни всех заявленных идеалов Нового времени в собственную карикатуру. Как когда-то цели и ценности христианской цивилизации, кроме выполняющих практически-стабилизирующую функцию, стали пустым звуком для модерна, так уже и его «не проверяемые эмпирическим путем» цели и ценности превратились в предрассудок или в предмет насмешки для постмодернистской идеологии.

Теперь осталось лишь уточнить те обстоятельства, которые повлияли на трансформацию умеренно-номиналистического понимания бытия в гиперноминалистическое. Для удобства их можно разделить на внешние и внутренние, причем к внешним относятся как научные, так и исторические факторы. Научные – это, к примеру, теория Ч. Дарвина, фрейдизм, теория относительности и, главное, второй закон термодинамики, обоснование которого, данное независимо друг от друга Р. Клаузиусом (1822–1888) и У. Томсоном (1824–1907), позволило прийти к новому пониманию развития Вселенной и потому может считаться своеобразным обоснованием большинства «современных» мировоззренческих концепций.

В самом общем виде второй закон или второе начало термодинамики гласит, что распределение теплоты всегда происходит от более нагретого тела к менее нагретому и никогда в обратной последовательности. Исходя из односторонности и однонаправленности перераспределения энергии в закрытых системах⁴, Клаузиус в 1865 году ввел понятие *энтропии*

⁴Хотя в настоящее время вопрос о том, является ли наша Вселенная закрытой или открытой системой, остается неразрешенным, сложилась точка зрения, что в открытых, т. е. энергетически изолированных системах (Земля, живые организмы), второй закон термодинамики не действует. Однако это не более чем попытка выдать желаемое за действительное. Действие второго закона для открытых систем никто не отменял. Причем энтропия в них должна увеличиваться даже быстрее, чем в закрытых: $S=Q/T$ (где S – уровень энтропии, Q – количество тепла, T – температура).

(греч. *ἐντροπία* – превращение), означающее *меру беспорядка и энергетического обесценивания систем*. Исследователь пришел к выводу, что системы, состоящие из некоторого множества частиц и обладающие постоянной энергией, всегда стремятся перейти к состояниям с наименьшей упорядоченностью движения частиц. В силу этого энтропия в них неизбежно возрастает. Развитие систем оказывается направленным в сторону естественного самоупрощения или термодинамического равновесия, при котором движение частиц осуществляется беспорядочно. Максимальный уровень энтропии тождественен полному термодинамическому равновесию, олицетворением которого можно считать *хаос*.

По причине того, что второй закон термодинамики появился достаточно поздно, формально он никак не успел повлиять на содержание Нового времени. А вот для грядущего постмодерна его значение, равно как и значение понятия энтропии, просто неопределимо. В них выразился весь тот радикализм выводов, к которому подошли, но через который не отваживались переступить модернистские концепции. Показательны в этой связи упреки Ф. Ницше в адрес А. Шопенгауэра за непоследовательность в отрицании «морализма», а также рассуждения К.Н. Леонтьева (1831–1891) о «вторичном смешительном упрощении» и его же предчувствие грядущего господства «средних людей». Хотя вопросы естествознания не являлись для русского мыслителя приоритетными и его личные взгляды были независимы от выводов науки, сама тенденция, сделавшая актуальным «открытие» второго закона термодинамики, видимо, уже отчетливо обозначилась в умственном настрое XIX века. Постмодерн еще не наступил, но его признаки уже витали среди атмосферы позитивной философии, зарождающегося импрессионизма в живописи и натуралистических опытов в литературе.

При этом столь характерная для западного мышления увязка природных законов с законами, действующими в обществе, оптимизма не вселяла. Открылись проблемы не столько теоретического, сколько ментального характера. Материализм давно подвел европейское сознание к отказу от идеи Бога, но даже он не мог лишить его такого понятия, как «смысл жизни». Теперь же, через введение второго начала термодинамики, сделалось «понятным»,

что всем правит случай. Усложнение природы принципиально невозможно; направленность нормального развития прочерчена от более совершенного к менее совершенному⁵, вплоть до достижения системой равновесного состояния (механического, термического или любого другого). На этой идейной почве возникли рассуждения об энергетическом истощении и «тепловой смерти» Вселенной. Их общедоступная суть сводилась к тому, что «судьбой» мира следует считать только распад. Благодаря этому рушилась центральная идея модерна о прогрессе и качественной эволюции человечества. Пафос созидательного труда, владевший европейским сознанием на протяжении последних двухсот лет, сменился осознанием полной безнадёжности всех усилий. Более того, само человеческое существование превратилось в абсурд. Как пишет Н.Ю. Беляев, «сколько бы ни говорилось, что смысл жизни есть сама жизнь, или у нее вовсе нет смысла, или понятие смысла попросту неприложимо в таком случае, всё же фактом „смерти“ мира убивается какая-то надежда, что когда-нибудь, пусть не для нас, но смысл этот прояснится» [1, с. 184]. Жить только для себя, не задумываясь о завтрашнем дне, — к началу второй половины XX века эта установка стала преобладающей. Эпоха производства и надежности уступила эпохе легкомысленного потребления.

По-настоящему же значение второго закона вскрылось только после опубликования в 1972 году работы Н. Георгеску-Регена «Энергия и экономический миф» и вышедшего в том же году исследования группы ученых во главе с Д. Медоузом «Пределы роста». Вне зависимости от правильности сделанных в них расчетов целостность и упорядоченность структур, являвшиеся в понимании модерна внешним выражением рационально обоснованного и, значит, верного развития, с этого времени окончательно утратили свое значение. «Второй основной закон термодинамики, согласно которому все наши системы конечны, а тенденции упадка, декаданса оказываются более вероятными, чем

тенденции к стабильности, становится доминирующим принципом постмодерна, подобно тому как первый основной закон термодинамики (закон сохранения) был доминирующим принципом Нового времени», — писал П. Козловски [3, с. 23].

Разумеется, наряду с научными факторами — весомыми, но овладевавшими общественным сознанием опосредованно и не очень быстро, — на становление постмодернистской идеологии влияли еще и факторы исторические. Среди них первостепенное значение принадлежит Великой войне, начавшейся в 1914 году и оказавшей катастрофическое воздействие не только на миропонимание эпохи, но и на всё последующее течение событий в XX веке⁶. «Бог умер», — эти слова Ницше стали иллюстрацией тотального ужаса, в который внезапно окунулась старая, благовоспитанная Европа. Непредсказуемость и абсурдность мировой бойни, казавшиеся невероятными для цивилизации, исповедовавшей идеалы гуманизма, Просвещения и прогресса, похоронили тогда претензии разума быть самодостаточным критерием в обустройстве человеческой жизни. Знание более не воспринималось как единый и универсальный путь к свободе и счастью, а общество, право и государство — как гаранты безопасности личности. Все прежние регуляторы отношений между людьми подверглись тотальной ревизии.

По большому же счету, главной причиной замещения *умеренного номинализма* в мышлении модерна, *гиперноминализмом*, ведущим прямым в постмодерн, была сама номиналистическая теория. Изначально, от первых робких своих шагов в средневековой схоластике, от еще невинных сомнений в достоверности сверхчувственного бытия, она заключала в себе тенденцию разворачивания в окончательный и бескомпромиссный нигилизм, принявший поистине чудовищные формы уже в наше время.

Всё внутреннее развитие номинализма изначально было не чем иным, как сползанием к последовательной мировоззренческой энтропии и саморазрушению. Постмодернизм лишь *фиксирует собой* достижение этими тен-

⁵Третий термодинамический закон (теорема Нернста), согласно которому избыток свободной энергии, поглощаемый открытой системой, может приводить к самоусложнению системы, еще просто не был обоснован.

⁶Когда Ж.-Ф. Лиотар (1924–1998) писал, что эпоха постмодерна начинается с Освенцима, он явно чего-то недопонимал.

денциями своего максимума, условную «точку невозврата». Вдумаемся еще раз: «*общее после вещи*» — сначала объективная вещь, потом произвольно данное субъектом «имя». Эта установка, нивелирующая значение *морали* перед «*потребностью*» и присущая главным образом англосаксонскому типу мышления, не смогла сразу закрепиться в идеологии модерна в качестве доминирующей. Тем не менее уже в начале Нового времени стало понятно, что «объективность» вещей базируется на субъективности связанных с чувственностью представлений. Отсюда следовало, что все вещественное имеет феноменальную природу и целиком зависит от нашего сознания, которое, в свою очередь, тоже следовало считать не более чем *представляющим представлением*. Не только вещи, но весь мир оказались вследствие этого совокупностью отношений между представлениями, точнее «результатом пересечения отношений» (В.А. Кутырев), и задача сводилась лишь к тому, чтобы вывести объединяющий их принцип. Модерн достаточно долго не хотел с этим мириться, ведь он сам состоялся как эпоха *вещей*, которая сделала вещь даже человека — *res cogitans*. Модерн был последовательно материалистичен, он возвел вещи в абсолют, т. е. признал их независимыми от нас и в некотором роде самостоятельными существами, и вот эти самые вещи, на утверждении объективности которых держалась целая эпоха, утратили свое самосушностное значение. Можно сказать, что вещи просто *исчезли*, причем исчезли, подчиняясь той же логике рассуждения, которая перед этим наделяла их самостоятельным смыслом. Нам остались, по оценке Г. Спенсера, лишь «проявления Непознаваемого», суть нечто *подлинное* вне нас и *пытающиеся копировать* эту подлинность, заведомо ошибочные и неполные представления в нашем мышлении. «Мир — совокупность Фактов, но не Вещей», — провозглашал Л. Витгенштейн. Позднее А. Бадью в книге «Делез. Шум бытия» и вовсе договорился до того, что вещи как таковые никогда не существовали, их природа была изначально симуляционной, а теорию симулякров использовал еще Платон. Всё это, в совокупности с «вовремя» обоснованным вторым началом термодинамики, свидетельствует об *идейном окончании модерна*, от которого постмодерное сознание унаследовало только прочно укоренившуюся привычку *вещного* — утилитар-

ного и потребительского — *отношения* ко всему окружающему и связанную с этим отношением *мотивацию поступков*.

Однако с модерном исчезли не только вещи как самостоятельная и независимая от сознания часть бытия. Вместе с ними как-то незаметно отошло на задний план, «исчезло» и потерялось прежнее понимание человека. Хотя формально постмодерн и принято увязывать с XX веком, его симптоматичный признак — смещение первичности от людей и предметов к отношениям, от чувственной образности к знакам и математическим символам — проявился намного раньше. Уже марксизм трактовал человека как совокупность *общественных отношений*, а Э. Дюркгейм, полагавший за людьми «двойственную реальность» (*лат.* — *homo duplex*), представил один из первых вариантов структурно-функционального анализа, в котором за основу объяснения реальности брались не сущности, вещи или «атомы», а формы, функции и связи. Между этими и подобными им явлениями в философии рубежа XIX — XX веков и строками Лиотара о том, что «современность разворачивается в ускользании реального» [5, с. 319], легко просчитываемая внутренняя взаимосвязь.

«Развоплощение плоти», особенно заметное сейчас на фоне массового вторжения в жизнь коммуникационных средств, стало своеобразным показателем перехода человеческой цивилизации в состояние, определяемое столь характерной для нашего времени приставкой «*пост-*»: *постмодерн, постиндустриальное общество, постчеловечество*... Причем, как отмечается в исследовании В.А. Кутырева, «постчеловеческая цивилизация — не цивилизация без человека. По крайней мере — пока. Это мир, созданный и создаваемый им самим, но приобретающий независимость от своего творца» [4, с. 10]. Постчеловеческое состояние означает как бы разделение телесно-духовного бытия человека. Хотя его тело и остается в реальном физическом мире, но душа и дух, психическое бытие как таковое оказываются во всё большей мере привязанными к формам искусственно конструируемой действительности. Констатируя этот факт, постмодернизм отказывает современному человеку в признании всех прежде естественных человеческих качеств. Вполне обоснованно постмодернисты указывают, что,

благодаря рождающемуся из склонности к соперничеству синдрому «показного потребления» (англ. — conspicuous consumption), человек перестал быть целью в себе — той целью, для которой вещи являются средством. Но и вещи не обрели при этом статуса подлинной цели. В мире, с которым человек чувствует себя связанным только посредством ощущений, целью могут быть исключительно представления, ассоциации и фантазии, возникающие от контактирования с вещами. Именно они напрямую определяют как самооценку субъекта, так и его оценивание со стороны окружающих. Чем сильнее и продолжительнее контакт с тем, что способствует положительным представлениям, тем больше чувство удовлетворения, испытываемое субъектом. Из желания продлить и закрепить его вырастает стремление уйти от действительности реальной и трудной в действительность пусть иллюзорную, но более доступную и легко поддерживаемую, связанную с меньшей степенью ответственности или приложения усилий, не важно каких, интеллектуальных или физических.

Сегодня тотальное замещение реального бытия искусственным уже сделалось нормой. Везде «эрзацы» и подделки, будь то бесчисленные ароматизаторы и «усилители вкуса» или же накаченные силиконом бюсты и ягоды. Современную эстраду невозможно представить без пения «под фанеру». Электронные книги пришли на смену печатным, культуру переписки заменили «эсэмэски» и общение в «чатах» на «олбанском» языке. Даже наука и техника все более отчуждаются от материи, ориентируются не на природные явления и процессы, но на их «моделирование» при помощи сверхчутких приборов и компьютерных технологий.

Подобное нельзя объяснить простым стремлением к перманентному обновлению. Тяга к новизне олицетворяет полную сил молодость, рвущуюся изменить мир. В этом смысле молодым был модерн, постоянно демонстрировавший любознательную предприимчивость и авантюризм, подчас даже бесшабашность в своей готовности смести любые преграды. Молодым было искусство авангарда, презиравшего все старое и охотно экспериментировавшего в начале XX столетия не только с формой, но и с революцией. Однако эпоха постмодерна — это нечто иное. В ней нет ни энергии, ни воли для

каких-либо действительно больших свершений. Она *стара* от рождения, причем стара не только в духовно-интеллектуальном измерении, но и *физически*. Именно этим объясняются принципиальный отказ западной цивилизации от готовности рисковать достигнутым благополучием и ее неспособность к созданию действительно нового, выдвинувшая в практиках постмодерна на первый план интертекстуальность, копирование и повторы, будь то «римейки» популярных кинолент, «осовремененные» пьесы классиков и т. п.

Если для позднего модерна вполне подходило определение «деловитая серьезность», то состояние постмодерна следует определять скорее как «старческий инфантилизм». Людям преклонного возраста свойственна суетливость. Столь же суетна и многоречива постмодернистская философия, направляющая свои усилия главным образом на разработку гуманитарных наук — антропологии, культурологи, социологии, психологии, лингвистики... Однако, как пишет А.В. Босенко, «перепроизводство идей — свидетельство регрессивного свертывания мышления, мечущегося в панике» [2, с. 16]. Во всех своих предприятиях постмодерн действует так, словно уже не рассчитывает на завтрашний день. Неверие ни во что — в этом символ веры постмодернистской идеологии. Мир для нее — это не «объективная действительность», проявляющаяся через вещественность и телесность, а совокупность представлений, хаотически сменяющих друг друга. В этом мире нет ни центра, ни периферии, только временные ситуационные привязки. Лишенный укорененности в чем-либо, избавившийся от всех качественных особенностей (национально-исторических, языковых, половых и т. п.), постмодерный человек и под собственной жизнью полагает некую ролевою игру, участие в которой не требует какой-либо ответственности и должно доставлять только удовольствия. Поэтому-то в постмодерном человеке и не остается подлинности. Вместо нее лишь видимый образ, имитирующий существование «виртуального героя», но без прежней человеческой сущности. Это уже «как бы» человек — *симулякр*, не ведающий самоидентификации, раб диктуемых ему представлений о том, как жить, чему соответствовать, с кем предаваться любви, что есть и пить. Первичным для него оказыва-

ется не жизненная реальность в полноте возможных проявлений, но узкий срез психического бытия, способности к «коммуникации», к выявлению себя в системе «правил игры» — задаваемых кем-то иным отношений и действий. Показательно, что в этой игре даже нет места для прежних *субъекта* и *объекта* — здесь пустота соотносится с пустотой. В результате само понятие «человек» превращается в имя, стоящее *после* его функционального назначения. Фактически это — эпитафия, то самое постмодернистское указание на онтологиче-

скую «смерть человека», которое все меньше напоминает просто лозунг. Но ведь такой итог и «программировался» установкой *post res!* Номинализм всегда и последовательно отрицал сущностное не только вне человека, якобы ради его «освобождения», но и в самом человеке. Специфика постмодернистских подходов лишь в том, что они признали это отрицание открыто, соответственным образом перестроив (точнее, «*деконструировав*», *сведя на нет*) всё прежнее, выстроенное на директивах разума понимание общества и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беляев Н.Ю.** «Механицизм» в новоевропейской культуре. СПб., 2007.
2. **Босенко А.В.** Время страстей человеческих: напрасная книга. Киев, 2005.
3. **Козловски П.** Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития [пер. с нем.]. М., 1997.
4. **Кутырев В.А.** Философия постмодернизма: науч.-образоват. пособ. для магистров и аспирантов гуманит. специальностей. Н. Новгород, 2006.
5. **Лиотар Ж.-Ф.** Ответ на вопрос: Что такое постмодерн? // Ad Marginem'93. Ежегодник лаборатории постклассических исследований ИФРАН. М., 1994.
6. **Матяш Т.П.** Постмодерн // Культурология. Ростов н/Д., 2003.
7. **Семёнова В.Н., Филиппович А.В.** Послесловие. Против постмодернизма // Новейший философ. словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

ИВАНОВ Сергей Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: ivsg@rambler.ru

S.G. Ivanov

IDEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL ROOTS OF POSTMODERNISM

The presented article deals with the prehistory of the notion of postmodern and discusses various interpretations of its differences from the ideology of the New Age. The analysis of some socio-cultural facts and circumstances, which, nevertheless, influenced the formation of the post-modern paradigm, allowed the author to conclude that, despite all the apparent differences, their common content has always referred to purely nominalist understanding of being.

MODERN TIMES; NOMINALISM; POST-MODERN; RATIONALISM; CHAOS; ENTROPY.

REFERENCES

1. Belyayev N.Yu. "Mekhanitsizm" v novoyevropeyskoy kul'ture. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
2. Bosenko A.V. Vremya strastey chelovecheskikh: naprasnaya kniga. Kiev, 2005. (In Russ.)
3. Kozlovski P. Kul'tura postmoderna: obshchestvenno-kulturnyye posledstviya tekhnicheskogo razvitiya. Moscow, 1997. (In Russ.)
4. Kutyrev V.A. Filosofiya postmodernizma. Nizhniy Novgorod, 2006. (In Russ.)
5. Liotar Zh.-F. Otvet na vopros: Chto takoye postmodern? *Ad Marginem'93. Yezhegodnik laboratorii postklassicheskikh issledovaniy IFRAN*. Moscow, 1994. (In Russ.)
6. Matyash T.P. Postmodern. *Kul'turologiya*. Rostov na Donu, 2003. (In Russ.)
7. Semenova V.N., Filippovich A.V. Poslesloviye. Protiv postmodernizma. *Noveyshiy filosofskiy slovar'. Postmodernizm*. Minsk, 2007. (In Russ.)

IVANOV Sergey G. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: ivsg@rambler.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015